

МИСТЕР АСТЛЕЙ И ЕГО ПРОТОТИПЫ (О РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»)¹

СЕРГЕЙ АКИМОВИЧ КИБАЛЬНИК

Санкт-Петербургский университет

Ключевые слова: *прототип, биографический, герой, происхождение, британский, русский.*
Key words: *prototype, biographic, character, provenance, British, Russian.*

Как известно, мистер Астлей представляет собой один из первых подступов Достоевского к созданию образа «положительно прекрасного» человека. В этом отношении он знаменует эволюцию Достоевского от «Зимних заметок о летних впечатлениях» к «Игроку», в результате которой в качестве подобного образа оказался герой-иностранец. «Образом мистера Астлея Достоевский исправил прежнюю идеологическую карикатуру на европейского человека, – отмечала В. В. Борисова, – оказалось, что можно быть честным сахароваром, мечтать об “аисте на крыше” и иметь чувство, доброту, сердце. Поэтому одним из главных итогов сравнительного изображения героев в романе “Игрок” стала деромантизация русского национального характера и дифференцированная оценка европейских национальностей» (Борисова, 1997, 56). Символический характер в этом плане приобретают прощальные дружеские объятия Алексея Ивановича и мистера Астлея (Достоевский, 5, 317) и способность в финале романа оценить лучшие качества друг друга, которую, несмотря на разделяющую их пропасть, проявляют Алексей Иванович и mademoiselle Blanche (Достоевский, 1973, 5, 306, 310).

Для того, чтобы в полной мере уяснить характер этого героя и способы его построения, обратимся к реально-биографическим и литературным истокам, а также к формам репрезентации в романе речи этого героя-иностранца.

В отличие от большинства отрицательных героев романа (Де-Грие, «генерал»), мистер Астлей уже при вторичном упоминании в романе: «К обеду ждали Мезенцова, французика и еще какого-то англичанина...» (Достоевский, 5, 209; здесь и далее выделено мной, – С. К.), «...но встреча с мистером Астлеем меня выручила...» (Достоевский, 5, 210) – появляется под своей фамилией (но так и до самого конца без имени) и с прибавлением английского обозначения джентльмена, что вкупе с позитивными коннотациями,

¹ Работа выполнена в рамках гранта Международного конкурса совместных научных проектов Российского гуманитарного научного фонда и Фонда «Дом наук о человеке» (Франция), проект № 12-24-08000а/м.

вызываемыми его фамилией,² сразу настраивает читателя на положительное отношение к этому герою.

Любопытно, как в романе передается речь мистера Астлея. Как мы знаем, с Алексеем Ивановичем – а скорее всего, впрочем, и со всеми остальными героями романа – он говорит по-французски: «Говорим мы с ним на сквернейшем французском языке» (Достоевский, 5, 223). Возникает вопрос: почему на «сквернейшем»? Ведь в разговорах с носителями французского языка ни разу не отмечено сколько-нибудь несвободное владение им Алексеем Ивановичем.

Скорее всего такое несвободное владение характерно для мистера Астлея, и в таком случае характеристика «французского языка», на котором они говорят друг с другом, данная Алексеем Ивановичем, – это лишь фигура вежливости по отношению к собеседнику, а также указание на то, что и самому ему, по всей видимости, приходится прибегать к более упрощенным оборотам речи, чтобы не вызвать у него затруднений. На то, что у мистера Астлея в его французской речи действительно есть ошибки, Достоевский, впрочем, указывает только один раз и делает это, поскольку она передается в романе по-русски, разумеется, с помощью средств русской речи. Он заставляет мистера Астлея однажды ошибиться в падежной форме существительного: «– О, я понимаю, почему все они так теперь интересуются бабуленькой! – О ком? – спросил мистер Астлей» (Достоевский, 5, 249).

Возможно, впрочем, также, что, поскольку с мистером Астлеем Алексей Иванович в основном говорит о Полине, пытаясь разобраться в хитросплетениях ее отношений и чувств к другим и к нему самому, то при этом он волнуется и хуже, чем обычно, говорит по-французски. Именно такое ситуативное ухудшение ее собственной французской речи отмечено однажды в дневнике А. П. Сусловой, где она рассказывает о своей встрече с братом Сальвадора, в которого она была тогда влюблена: «Я сказала, что не могу говорить о моих делах и М-еиС[альвадора] в другими. Я очень плохо говорила, забыла все слова французские: я была очень взволнована» (Сулова, 1928, 70).

Есть в дневнике Сусловой запись и об одном англичанине, с которым она общалась и который, кстати сказать, как раз неважно говорил по-французски. Во всяком случае, рассказав в парижском пансионе, где она жила, в его присутствии о своей реакции на показанный ей неким «молодым человеком» «трактат философа какого-то про любовь», автор которого говорил, что «для полного развития» «нужно испытать страсть, любовь, самолюбие», Сулова услышала от него в заключение этого разговора следующее: «Вдруг Ан[гличанин] мне говорит, что он в продолжение года постарается мне [по]лучше объяснить свое мнение о любви... и амбиции. Я посмотрела на него с изумлением, М-те сидела

² По предположению Г. М. Фрилендера, имя Астлея было заимствовано Достоевским из романа Э. Гаскел «Руф», перевод которого печатался в журнале «Время» (1863, № 4, с. 144; Фридендер, 1964, 203). Однако там это имя лишь бегло упоминается. Также оно могло быть обязано своим происхождением романам Ч. Диккенса «Лавка древностей» и В. Теккерея «Ярмарка тшеславия» (см.: Альтман, 1975, 160-161), в которых героипосещают «цирк Астлей». Впрочем, этот «театр-цирк» и в самом деле существовал в южной части Лондона с 1780 до 1895 года. Так что у Достоевского это, возможно, не столько память о романах Диккенса или Теккерея, сколько отзвук реальных впечатлений от посещения им Лондона. В отличие от фонетической транслитерации названия цирка, используемого в современных переводах романов Диккенса и Теккерея, фамилия героя Достоевского («Astley») появляется на страницах его романа как графическая транслитерация, которая, как правило, использовалась в XIX веке.

недалеко. – Т.е. в продолжение года я надеюсь лучше говорить по-французски, – сказал он» (Суслова, 1928, 71).

Отметим попутно «изумление» Сусловой, вызванное ненамеренной двусмысленностью его слов,³ и обозначим некоторые другие моменты в восприятии Сусловой этого англичанина: «Есть у Мир.англичанин, с которым я несколько раз говорила. Он не молод и очень серьезен. Мы несколько раз, оставаясь одни в зале после обеда, говорили с большой симпатией: о французах, о направлении русского общества; разговор всегда начинала я. Потом я как-то перестала с ним говорить, но в обыкновенное время являлась в залу, куда приходил и он. Мы оба молчали. В воскресенье (22) он объявил, что через два дня едет в свой дом. В этот день за обедом я была очень грустна и почти не ела так, что это заметили (Тум. и М-ме). Мне было скучно в этот день особенно потому, что я чувствовала свое одиночество. М-ме Мир. С. А. Тум. и прочими были на конц[ерте], а мне не сказали, что пойдут, хотя я прежде высказывала желание быть в концерте. “Черт с ними”, – подумала я и после обеда заговорила с англичан[ином]. Я его спросила о Д.-Ст. Милле. Он с большой живостью отозвался на мой вызов говорить» (Суслова, 1928, 70-71).

Далее о продолжении этого разговора Суслова рассказывает следующее: «Я говорила с большим жаром, в комнате было много народа и между прочим Уильям, который сидел подле Анг[личанина] и иногда с ним перекидывался словами. “Этот молодой человек, – сказал мне Анг[личанин], указывая на Уиль[яма], – заметил, что мы говорим с симпатией”. – Может быть, – сказала я. – Может быть, – гов[орил] он – а молодой человек (в библиотеке)? – Что, – сказала я в припадке веселости – я не монополист. И мы очень хохотали, мой дерзкий ответ видимо понравился Англич[анину]. <...> А люблю-то я все-таки С[альвадора]» (Суслова, 1928, 71).

Уже в этом коротком шуточном разговоре можно увидеть зерно любовной коллизии «Игрока»: героиня, находящаяся в связи с совсем другим человеком, с иностранцем (в случае с Сусловой – с испанцем, в случае с Полиной – с французом), испытывает интерес со стороны, по-видимому, русского «молодого человека», который, по мнению одного из собеседников, «должно быть очень молод» (Суслова, 1928, 71), желает испытать «страсть» и «любовь». И в то же время она испытывает удовольствие от общения с «англичанином». При этом Суслова подмечает в этом англичанине молчаливость, угрюмость, «холодность» и несколько забавную чудаковатость, которые то и дело подчеркивает и Достоевский в мистере Астлее: «На другой день за завтраком при встрече со мной он был суров. Мар. спросил, где его квар[тира] в Лонд[оне], что он поедет в Англию в январе и пойдет к нему. – Вы приедете в Пар[иж] в ян[варе]? – спросила М-ме. – C'est probable! – ответил холодно Ан[гличанин].

После обеда я, по обыкновению, прошла в залу, куда и он скоро явился; несколько времени мы сидели вдвоем; он был угрюм и молчал. На следующее утро (сегодня) М-ме его спросила: – Вы завтра едете, М-сир? – Не знаю, – сказал он – это еще неизвестно.

³ Свообразие речевой манеры мистера Астлея однажды прямо подчеркнуто в романе: «Он говорит иной раз как-то чрезвычайно отрывисто. Еще не сказав «здравствуйте», он начал с того, что проговорил: – А, mademoiselle Blanche!.. Я много видел таких женщин, как mademoiselle Blanche!» (Достоевский, 5, 222).

Я почувствовала сильное желание расхохотаться и отодвинулась к спинке стула, таким образом спряталась от глаз Ан[гличанина]. Однако мне было любопытно, что после всего этого от него будет, но ничего еще не было» (Суслова, 1928, 72).

Как мы видим, записи в дневнике Сусловой свидетельствуют о том, что было бы неверно совершенно исключать отчасти реально-биографическое происхождение образа мистера Астлея. И, следовательно, суждение на этот счет М. В. Джоунса: «Маловероятно, чтобы образ мистера Астлея был вызван реальной встречей Достоевского с каким-то англичанином» (Jones, 2002, 39-40) – представляется, по меньшей мере, слишком категоричным. В течение своих заграничных поездок писатель, конечно же, наблюдал и вступал в, пусть и короткое и не слишком глубокое, общение с представителями британской культуры; на него накладывались переданные ему впечатления его знакомых об англичанах. Нельзя исключить их роль в формировании этого образа. Однако, как обычно, эти реальные впечатления ложились на хорошо подготовленную почву, которую образуют многочисленные литературные прообразы мистера Астлея, о которых речь пойдет в другой статье.

Любопытно, что диалог мистера Астлея с Алексеем Ивановичем – героем, беседы с которым наиболее полно представлены на страницах романа, – проходит в поле не только русской, но и английской речи. Так, хотя, разумеется, почти все реплики обоих героев передаются в романе, естественно, по-русски, оба они называют Полину «мисс Полина» (в главах VIII, XV и XVIII – Достоевский, 5, 314). Причем вначале так все время, естественно, называет Полину мистер Астлей, а потом это начинает делать – вначале в разговоре с ним, а затем и уже даже мысленно – Алексей Иванович: « – Об этом маркизе и о мисс Полине вы ничего не можете сказать точного, кроме одних предположений? <...> – Что же касается до мисс Полины, то... вы знаете, мы вступаем в сношения даже с людьми нам ненавистными, если нас вызывает к тому необходимость. <...> что такая выходка для такой... для такой превосходной мисс -- неприлична. <...> – Знаете ли что? – вскричал я вдруг, пристально всматриваясь в мистера Астлея, – мне сдается, что вы уже о всем об этом слышали, знаете от кого? – от самой мисс Полины! <...> – Наконец, заметьте себе, он пришел в девять часов, в конце девятого, и уж записка мисс Полины была в его руках. Когда же, спрашивается, она была написана? Может быть, мисс Полину разбудили для этого! Кроме того, что из этого я вижу, что мисс Полина его раба...» (Достоевский, 5, 245-246).

Это очевидное следствие того, что в интеркультурном дискурсе с мистером Астлеем Алексею Ивановичу, несмотря на то, что именно он становится в конце концов избранником Полины, все время принадлежит отчасти подчиненная роль. Именно он, как правило, инициирует общение с мистером Астлеем, постоянно обращается к нему с вопросами об отношениях между другими героями, исповедуется в любви и, наконец, исполняет предписанную ему мистером Астлеем роль: «Все русские, имея деньги, едут в Париж <...> я совершенно убежден, что вы сегодня уедете в Париж» (Достоевский, 5, 300).

Принимая затем это пророчество мистера Астлея за голос судьбы: «Я шел и посмеивался странной уверенности этого англичанина, что я уеду в Париж. <...> В Париж так в Париж! – подумал я про себя, – знать, на роду написано!» (Достоевский, 5, 300, 302) – Алексей Иванович упускает из виду простое обстоятельство: мистер Астлей неспроста напророчил ему Париж. Слухи о крупном выигрыше Алексея Ивановича уже разошлись

по Рулетенбургу, и мистер Астлей хорошо понимает, что *mademoiselle Blanche*, обманувшись «в расчетах» на русского «князька», не преминет предложить теперь совместное путешествие во Францию именно ему. Таким образом, выдавая его самому себе за предначертание судьбы, Алексей Иванович в действительности реализует жизненный сценарий, написанный для него Бланш и лишь угаданный мистером Астлеем.

Вообще Алексей Иванович то и дело буквально повторяет те или иные высказывания мистера Астлея. Вот как это проявляется, в частности, в заключительной, семнадцатой главе романа. Лишь только приступая к рассказу о своей встрече с мистером Астлеем, Алексей Иванович употребляет его слово: «... при всем этом мне кажется, что я как будто одеревенел, точно застряв в какой-то тине. Закрываю это по впечатлению при встрече с мистером Астлеем» (Достоевский, 5, 312). Ниже становится ясно, что герой лишь повторяет диагноз, поставленный ему его британским другом-соперником: «Он стал меня экзаменовывать. Я ничего не знал, я почти не заглядывал в газеты и положительно во все это время не развертывал ни одной книги.

– Вы одеревенели, – заметил он...» (Достоевский, 5, 314).

Финальные же строки романа: «Но – почему же я не могу воскреснуть? <...> Завтра, завтра все кончится!» – не оставляют сомнений в том, что эти надежды Алексея Ивановича несбыточны, а прав опять-таки мистер Астлей, предсказывающий ему:

«– Вы будете здесь еще чрез десять лет...» (Достоевский, 5, 314).

Именно мистеру Астлею в романе отдано трезвое сознание спасительности для Алексея Ивановича возвращения на родину: «– Да, вы погубили себя. Вы имели некоторые способности, живой характер и были человек недурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое так нуждается в людях, но – вы останетесь здесь, и ваша жизнь кончена» (Достоевский, 5, 317).⁴ В этом отношении мистер Астлей открывает череду героев Достоевского, которые оказываются как бы нравственным камертоном, осуждающим русское «скитальчество» по Европе, – таких, как, например, Лизавета Прокофьевна Епанчина: «“Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И все это, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!” заключила она чуть не гневно, расставаясь с Евгением Павловичем» (Достоевский, 8, 510). Между тем «в идеологическом замысле Достоевского Россия, – как справедливо отмечал Р. Джексон, – означает духовное спасение» (Джексон, 1998, 182).

В этом Достоевский, в общем, следует дорогой, проложенной Тургеневым в «Дворянском гнезде» (<1859>), у которого Лаврецкий сам приходит к осознанию того, о чем Алексею Ивановичу говорит мистер Астлей, но которого, впрочем, возвращает на родину скорее «неожиданный случай», а именно вдруг открывшаяся ему измена жены: «Он читал газеты, слушал лекции в *Sorbonne* и *Collège de France*, следил за прениями палат, принялся за перевод известного ученого сочинения об ирригациях. „Я не теряю

⁴ Любопытно, что выданные слова мистера Астлея также могут отчасти восходить к дневнику А. П. Сусловой – только не к словам ее знакомого англичанина, а к ее собственным суждениям, которые она высказала в разговоре с ним: «Я сказала, что <...> любовь и самолюбие могут быть, но смешно их обрабатывать, когда у нас так много дела, дела необходимого, что куда нам такая роскошь, когда мы нуждаемся в хлебе, умираем с голода, а если едим, то должны защищать эти права миллионами солдат и жандармов и прочая. Я говорила с большим жаром...» (Суслова, 1928, 71).

времени, – думал он, – все это полезно; но к будущей зиме надобно непременно вернуться в Россию и приняться за дело“. Трудно сказать, ясно ли он сознавал, в чем собственно состояло это дело, и бог знает, удалось ли бы ему вернуться в Россию к зиме; пока он ехал с женою в Баден-Баден... Неожиданный случай разрушил все его планы» (Тургенев, 1980, 6, 51). Впрочем, в отличие от Лаврецкого, герои «Игрока», за исключением «бабушки», во всяком случае в границах его романного времени, так и не возвращаются в Россию.

В речах Лизаветы Прокофьевны Епанчиной есть и другие автореминисценции из реплик мистера Астлея. Ср. реплику Лизаветы Прокофьевны Епанчиной князю Мышкину: «Кушайте, князь, и рассказывайте: где вы родились, где воспитывались? Я хочу все знать; вы чрезвычайно меня интересуете» (Достоевский, 8, 47) – и фразу мистера Астлея, брошенную Алексею Ивановичу о только что приехавшей «бабушке»: «Она чрезвычайно интересует меня, – шепнул мне, подымаясь рядом со мною, мистер Астлей» (Достоевский, 5, 252). Следовательно, отзвуки этого образа в дальнейшем творчестве Достоевского, в частности, в романе «Идиот» связаны не только с образом князя Мышкина,⁵ но и с образом Лизаветы Прокофьевны Епанчиной.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Альтман М. (1975). Достоевский по вехам имен. Саратов.
- Борисова В. В. (1997). Национально-культурная проблематика и ее художественное воплощение в романе Ф. М. Достоевского «Игрок» // Национальное и религиозное в творчестве Ф. М. Достоевского (проблема этно-конфессионального синтеза). Уфа.
- Джексон Р. Л. (1998). Полина и «госпожа удача» в «Игроке» // Джексон Р. Л. Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны. Москва.
- Достоевский Ф. М. (1972-1990). Полн. собр. соч.: В 30 т. Ленинград.
- Суслова А. П. (1928). Годы близости с Достоевским. Дневник – Повесть – Письма. Москва.
- Тургенев И. С. (1980). Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Москва, т. 6.
- Фридлендер Г. М. (1964). Реализм Достоевского. Москва, Ленинград.
- Jones M. V. (2002). The Enigma of Mr. Astley // *Dostoevsky Studies. New Series*, Vol. 6.

⁵ Так, М. Джоунс отмечает, что аналогия между парой «Алексей Иванович – мистер Астлей» и «Мышкин – Рогожин» отнюдь не исчерпывается тем обстоятельством, что обе пары героев знакомятся в поезде (ср.: Достоевский, 5, 210 и 8, 5-14): «Отношения мистера Астлея с повествователем и Де-Грие, с одной стороны, и с Полиной, с другой, напоминают отношения Мышкина с Рогожиным и Ганей, а также с Настасьей Филипповной. Это эхо усилено сходством между характерами Полины и Настасьи Филипповны, которое до некоторой степени происходит от их общего прототипа – Полины Сусловой. У мистера Астлея даже есть некоторые общие с Мышкиным черты характера: робость, честность, эмоциональная одаренность (главный ум), демократические убеждения и стремление воздерживаться от резких суждений. Это сходство, однако, имеет только частичный характер. Он все же судит героя-повествователя в финале; он, очевидно, способен на глубокую страсть; о нем говорится как о богатом предпринимателе (хотя все остальное, что мы знаем о нем, скорее заставляет видеть в нем джентльмена-дилетанта, который делит свое время между посещением европейских минеральных курортов и участием в научных экспедициях). Поскольку «Идиот» был следующим большим романом Достоевского, и по мере того, как он обдумывал окончательный образ Мышкина, его ум обратился к, по меньшей мере, одному английскому прототипу, мы не можем совсем отмести эти отзвуки и сближения» (Jones, 2002, 45).

Sergey Akimovich Kibalnik

MR. ASTLEY AND HIS PROTOTYPES (DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE GAMBLER")

Summary

The article presents the analysis of one of the main characters in the novel "The Gambler", which is the first attempt by Dostoevsky to portray "a definitely beautiful person" later made by him once again in his novel "The Idiot". Though Malcolm V. Jones pointed out that "it is unlikely that Dostoevsky based Mr. Astley on any real-life encounter with an Englishman", nevertheless, some sources (e.g., Apollinaria Suslova's diaries) tell us about some of her (and possibly Dostoevsky's) real-life encounters with Englishmen or stories about this kind of encounters. Looking at these sources we can trace some hypothetic prototypes of Mister Astley. The comparison of the character of Mister Astley with some real-life Englishmen portrayed in Suslova's diaries provides a better understanding of the ways of stylistic representation of the foreign character in the novel written in Russian. The carried out research shows that the created image of Mr. Astley in "The Gambler" have echoes in Dostoevsky's future work, in particular, in his novel "The Idiot": not only in the image of Prince Myshkin, but also in the way Elisaveta Prokof'evna Epanchina is represented.